
УДК 372.881.161.1+372.881.352.3
ББК 74.261.3
У 68

Ф.К. Уракова

*Доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка и методики преподавания Адыгейского государственного университета;
E-mail: kotja@radnet.ru*

СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ОСНОВНЫХ СТРОЕВЫХ ЕДИНИЦ ТЕКСТА В РУССКОМ И АДЫГЕЙСКОМ ЯЗЫКАХ В УЧЕБНЫХ ЦЕЛЯХ

(Рецензирована)

Аннотация. Сопоставительно-типологическое описание синтаксических единиц русского и адыгейского языков позволило установить сходства и различия на синтаксическом уровне в двух языках. Это дает возможность направить систему работы по развитию связной русской речи учащихся адыгейской школы на преодоление явлений интерференции и создает условия для опоры на явления транспозиции, использование умений и навыков, приобретенных учащимися на уроках родного языка, для развития русской речи.

Ключевые слова: сопоставительно-типологическое описание, синтаксические единицы, связная речь, развитие русской речи.

F.K. Urakova

Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Head of the Department of Russian and Technique of its Teaching, Adyghe State University; E-mail: kotja@radnet.ru

COMPARATIVE TYPOLOGICAL DESCRIPTION OF BASIC UNITS OF THE TEXT IN THE RUSSIAN AND ADYGHE LANGUAGES WITH TEACHING AIMS

Abstract. Comparative analysis of syntactic units of Russian and Adyghe languages showed likeness and distinction of these two languages on the syntactic level. It gives the opportunity to develop connected speech of the pupils of national schools and overcome difficulties of interference. It also creates the opportunities for supporting at the elements of transposition, for using all skills and experience of the pupils at the lessons of the Russian language and for developing Russian speech.

Keywords: comparative-typological description, syntactic units, connected speech, speech development.

Одно из важнейших направлений школьного курса русского языка в национальной школе — системная работа над русской связной речью учащихся — предполагает обращение к сопоставительно-типологическому описанию основных строевых единиц текста, его категорий в теоретическом и методическом планах. Учет общих и отличительных черт родного и неродного языков необычайно важен при прогнозировании трансфертных и транспозитивных явлений в

речи учащихся, поскольку позволяет существенно облегчить процесс обучения, а самое главное, создать эффективную систему обучения русской связной речи [1, с. 242].

Основные строевые единицы текста сопоставляемых языков характеризуются совпадением синтаксических единиц. В рассматриваемых языках выделяются словосочетания, простые и сложные предложения. Однако в данных языках наблюдаются существенные структурно-

типологические различия между аналогичными синтаксическими единицами и конструкциями.

Для сопоставительно-типологического описания словосочетания в русском и адыгейском языках в учебных целях необходимо отобразить определенную сумму постоянных и устойчивых признаков, характеризующих данную единицу в сопоставляемых языках. В таком случае определение понятия словосочетания, его объема и границ, типологии будут адекватными и достаточно универсальными. К подобным универсалиям на уровне словосочетания относятся:

1) характер синтаксических отношений (атрибутивные, объектные, обстоятельственные);

2) способы выражения синтаксических отношений (согласование, управление, примыкание);

3) положение зависимого слова по отношению к стержневому — в препозиции или в постпозиции. «Сочетание этих критериев, взятых в системе, образует ту устойчивую совокупность признаков, которая может быть положена в основу определения «тип словосочетания как единицы сопоставления» [2, с. 141].

Анализ и сопоставительная характеристика словосочетаний в указанных трех направлениях свидетельствуют, что в сопоставляемых языках синтаксические отношения в словосочетаниях сводятся к атрибутивным, объектным и обстоятельственным. Для выражения каждого типа синтаксических отношений используются определенные структурные типы словосочетаний. Так, атрибутивные отношения выражаются в рассматриваемых языках в словосочетаниях структуры:

1) «прилагательное + существительное» или «существительное + качественное прилагательное» (в адыгейском языке): *большой дом — унэ ин*; «относительное прилагательное + существительное» (в двух языках): *шелковое платье — дэнэ джан*;

2) «местоимение (определительное, неопределенное, притяжательное, указательное) + существительное»

(в русском языке): *моя книга, этот мальчик*. В адыгейском языке данный структурный тип представляет собой словосочетание или единообразное слово: *мы кIалэр — «этот парень», мо кIалэр — «тот парень», а кIалэхэр — «те парни», но сиун — «мой дом», тиун — «наш дом»;*

3) «причастие + существительное»: *читающий мальчик — «еджэрэ кIалэр»;*

4) «порядковое числительное + существительное»: *первый день — «апэрэ мафэр»;*

5) «существительное + существительное»: *дом отца — «сятэ иун»;*

6) «отглагольное существительное + наречие»: *прогулка пешком — «лэсэу зекIон».*

Объектные отношения в сопоставляемых языках выражаются в словосочетаниях структуры:

1) «глагол + существительное» (в русском языке): *говорить правду, писать картину*. В адыгейском языке данный тип словосочетаний представляет структуру: «существительное + глагол»: *шзыпкгэр Iон «правду говорить», сурэтыр (сурэт) шIын «картину писать»;*

2) «глагол + существительное с предлогом» в русском языке: *встретиться с братом, говорить о музыке*. В адыгейском языке данным конструкциям соответствуют беспредложные (без послелогов) конструкции: *пшы уIукIэн, музыкэм утегушыIэн*;

3) «существительное (главный компонент) + существительное (зависимый компонент)»: *забота о детях*. В словосочетаниях данного типа в адыгейском языке наблюдается порядок «зависимый компонент + главный компонент»: *кIалэмэ афэгумэкIыныр*;

4) «существительное (главный компонент) + личное местоимение (зависимый компонент) с предлогом или без предлогов»: *встреча с ним, разговор о них*. В адыгейском языке порядок компонентов обратный: *ащ уIукIэныр, ахэмэ уадэгушыIэнэр*;

5) «существительное (главный компонент) + инфинитив (зависимый компонент)»: *любить читать, стараться*

понять, просить вернуться. В адыгейском языке, как и в предыдущих типах объектных словосочетаний, порядок слов — зависимое слово + главное: *еджэныр шIу плъэггун* — «чтение любить», *къыгъэзэжъынэу уелъэIун* — «возвратиться просить».

Обстоятельственные отношения в сопоставляемых языках выражаются в основном в словосочетаниях двух структурных типов:

1) «глагол + существительное». В русском языке — без предлога, чаще с предлогом, в адыгейском языке — «существительное + глагол» без послелого или с послелогом: *идти дорогой, идти в лес; мэзым кIон, мэз лъэныкъомкIэ кIон*;

2) «глагол + наречие»: *живет хорошо*. В адыгейском языке «наречие + глагол» *дэгъоу мэпсэу* — «хорошо живет».

Синтаксическая связь слов в словосочетании в русском и адыгейском языках сводится к согласованию, управлению и примыканию. Однако средства выражения каждого из типов связи и их употребительность в сопоставляемых языках существенно различаются, на что важно обратить внимание в методических целях.

Грамматическая связь согласования наиболее выраженной и полной является в русском языке как языке с весьма развитой системой словоизменения. Все согласующиеся части речи — имена прилагательные, причастия, некоторые местоимения — согласуются с существительным в роде, числе и падеже. Это важный типологический признак русского языка и словосочетания в русском языке. В адыгейском языке категория рода и согласование в роде отсутствуют. Согласование в числе и падеже тоже специфическое: в словесном комплексе «согласующееся слово + существительное» или «существительное + согласующееся слово» флексия падежа или числа присоединяется к последнему слову (*дэнэ джан* — *дэнэ джанэхэр*, но *унэ дах* — *унэ дахэр* — *унэ дахэхэр*).

В русском и адыгейском языках распространенным типом связи является управление приглагольное и при-

именное, предложное и беспредложное — в русском языке или послеложное в адыгейском языке.

В русском и адыгейском языках, хотя существует связь примыкания, примыкают слова ограниченной группы: неизменяемые слова — деепричастия, наречия, инфинитив. Следует заметить, что в современном русском языке некоторыми лингвистами сужается понятие управления, связывают его с валентностью управляющего слова и за счет этого расширяется понятие примыкания и выделяется именное примыкание [3].

Анализ грамматической связи слов в сопоставляемых языках приводит к заключению, что методический аспект данной проблемы больше связан с необходимостью преодоления интерферирующего влияния родного языка на русский. Усвоение учащимися связей слов в словосочетании важно еще и потому, что словосочетания включаются в структуру предложения в качестве членов предложения со свойственными им связями.

Предложение, являясь основной коммуникативной единицей, обладает набором структурно-семантических и функциональных признаков, которые являются универсальными для всех или большинства языков:

- 1) смысловая законченность;
- 2) информативность;
- 3) смысловая и грамматическая связь слов (членов предложения), образующих его;
- 4) модальность;
- 5) интонационная завершенность;
- 6) коммуникативная функция.

Предложения разнообразны по функции, структуре и семантике.

Исходным и наиболее распространенным функциональным типом предложения является повествовательное, в непосредственной связи с которым находятся вопросительные предложения. Эти два вида предложений в сопоставляемых языках представляются противопоставленными функциональными типами. При этом маркированным членом этого противопоставления следует считать вопросительное предло-

жение, которое, сохраняя структурные признаки, общие с повествовательным предложением, приобретает вопросительную функцию и может отличаться от повествовательного предложения только интонацией.

В русском языке существуют разнообразные средства выражения вопроса: вопросительные слова (вопросительные местоимения, наречия, частицы), вопросительная интонация в устной речи, порядок расположения членов предложения.

Вопросительное предложение в адыгейском языке характеризуется особым порядком слов, при котором вопросительное слово не всегда выносится на первое место, особой вопросительной интонацией, использованием особых вопросительных частиц для выражения вопроса. Интонация играет важную роль в оформлении адыгейского вопросительного предложения, но, в отличие от русского языка, она не выступает в адыгейском языке единственным средством выражения вопроса.

В любом вопросительном предложении адыгейского языка присутствует грамматический или лексический показатель вопроса: вопросительное слово хэт? «кто?», сыд «что?», тыдэ «куда?» и т.д.; вопросительные частицы, присоединяемые к любому члену предложения, с которым связан вопрос: КІалэра тхылъм еджэрэр? (Мальчик ли читает книгу?); КІалэр тхылъэра заджэрэр? (Мальчик книгу ли читает?); КІалэр тхылъм едж-а? (Мальчик книгу читает ли?).

В сопоставляемых языках побудительные предложения совпадают по общей целевой установке и оттенкам значения. Различия связаны со способами выражения сказуемого, что важно в методическом аспекте.

В русском языке имеются разнообразные способы выражения сказуемого в побудительном предложении:

1) глаголы в повелительном наклонении;

2) специальные частицы (пусть, пускай, да);

3) глаголы в форме сослагательного наклонения;

4) глаголы в форме изъявительного наклонения.

Морфологизованными способами выражения сказуемого в побудительном предложении служат глаголы в форме повелительного наклонения. Важную роль в выражении оттенков значения побудительного предложения играет интонация.

В адыгейском языке сказуемое в побудительном предложении в основном выражается формой глагола в повелительном наклонении. Единственным средством различения оттенков значения побудительного предложения служит интонация.

В сопоставляемых языках наиболее распространенным и употребительным в речи структурным типом простого предложения является двусоставное предложение. Основу двусоставного предложения составляет сочетание подлежащего и сказуемого. Сказуемое двусоставного предложения чаще всего выражается личной формой глагола или глаголом-связкой и предикативной частью.

В русском языке подлежащее имеет форму именительного падежа. Сказуемого согласуется с подлежащим в лице, числе, а в прошедшем времени — и в роде.

В адыгейском языке, относящемся к эргативному строю, подлежащее выражается формой именительного и эргативного падежа. Если в русском языке позицию независимого главного члена занимает подлежащее, то для адыгейского языка позицию независимого главного члена занимает сказуемое. В сказуемом адыгейского языка выражаются почти все связи слов в предложении. Соотношение между подлежащим и сказуемым, прямым и косвенным дополнениями и, кроме того, отношения, выражаемые русскими предлогами — все это передается в адыгейском языке специальными аффиксами, входящими в состав сказуемого. Поэтому адыгейское сказуемое представляет собой как бы «целое предложение в предложении» и на русский язык часто переводится целым предложением. Таким образом, в адыгейском языке функции

сказуемого гораздо шире, в нем сосредоточены элементы всех членов предложения.

Двусоставным предложениям в сопоставляемых языках противопоставляются односоставные предложения, которые характеризуются наличием в их структуре одного из главных членов — подлежащего или сказуемого.

В русском языке односоставные предложения широко распространены и представляют разные типы по своим структурно-семантическим признакам. Прежде всего, по характеру отнесенности действия к деятелю они бывают личные и безличные. В личных предложениях присутствует позиция грамматического подлежащего, а в безличных она отсутствует. В зависимости же от степени отнесенности действия к деятелю и способа выражения сказуемого личные предложения делятся на определенно-личные, неопределенно-личные и обобщенно-личные. Каждый из структурно-семантических типов односоставных предложений в русском языке имеет и свою сферу использования.

В адыгейском языке большинством авторов также выделяются односоставные предложения. Личные предложения представлены определенно-личными, неопределенно-личными и обобщенно-личными предложениями. Хотя типология личных сказуемых предложений в русском и адыгейском языках совпадает, они существенно различаются по способам выражения сказуемого. Сказывается разность языков: в русском языке показателями лица являются личные окончания, а в адыгейском языке — личные аффиксы. «Всякое адыгейское сказуемое, так или иначе, в своей форме (в префиксах и отчасти в суффиксах) согласуется с подлежащим.

Подлежащее всегда выражено той или иной частицей в составе сказуемого. Собственно настоящих бессубъектных («безличных») предложений (то есть предложений без так или иначе выраженного подлежащего) в адыгейском языке не существует» [4, с. 24].

В построении связной речи также важно осознание словоупорядка в кон-

тактирующих языках, умение приспособлять порядок слов в предложениях контекстным условиям.

В методике взаимосвязанного обучения связной русской и родной речи также существенно осознание соотношения сложного предложения в сопоставляемых языках. В этом плане следует, прежде всего, подчеркнуть, что сложное предложение как особый структурно-семантический тип предложения, содержащий две и более предикативных единицы, выделяется в сопоставляемых языках. В них также все сложные предложения делятся на сложносочиненные и сложноподчиненные.

Сложносочиненные предложения по смысловым отношениям, которые устанавливаются между частями, и средствам выражения этих отношений (сочинительные союзы) в данных языках совпадают, на что следует опираться в построении методической системы.

Что касается сложноподчиненных предложений, они основательно исследованы в русском языке, широко распространены и разнообразны по своим структурно-семантическим типам. В адыгейском языке сложноподчиненные предложения менее распространены и употребительны.

При сопоставительном анализе строевых единиц текста русского и адыгейского языков следует обратить особое внимание и на сходные, общие признаки сложного синтаксического целого (ССЦ) в данных языках:

1. Построение микротекста по схеме зачин — основная часть — концовка в русском и адыгейском языках совпадает.

2. В русском и адыгейском языках также совпадают типы сложного синтаксического целого по своему содержанию и строению (структурно-семантической характеристике): различаются ССЦ с цепной, параллельной и смешанной связью.

3. В данных языках совпадают в основном и средства связи между компонентами сложного синтаксического целого. Это местоименная и синонимическая замена, лексический повтор, наречия, союзы, видо-временные формы

глаголов-сказуемых. Как и в русском, в адыгейском языке в разных ССЦ могут преобладать какие-то средства связи.

4. Сходными являются и типы текстов: описание, повествование, рассуждение.

В построении ССЦ в сопоставляемых языках имеются существенные различия, которые прежде всего связаны со структурными особенностями простого двусоставного повествовательного предложения в русском и адыгейском языках. В сопоставляемых языках различны законы словоупотребления в предложении, что объясняется принадлежностью русского и адыгейского языков к разным языковым системам — русского — к флективной группе, адыгейского — к агглютинативной.

Флективно-синтетический строй русского языка допускает варьирование порядка слов в предложении, богатая система падежных форм достаточно четко устанавливает отношение данного слова к другим словам в предложении независимо от его места в предложении.

В отличие от русского, адыгейский язык относится к языкам с твердым порядком. Обычным для адыгейского простого повествовательного предложения является словоупотребление: подлежащее — дополнение — обстоятельство — сказуемое [5, с. 90].

В русском простом распространенном предложении сказуемое может находиться после подлежащего (прямой порядок слов) или перед ним (обратный порядок слов), а в адыгейском языке сказуемое обычно находится в конце предложения. Сравните: *Вчера мы ходили в лес. Тыгъуасэ тэ мэзым тык1огъагъ.*

Место подлежащего в простом нераспространенном предложении в русском языке учащиеся адыгейских школ запоминают довольно легко, за исключением тех случаев, в которых сказуемое бывает препозитивным по отношению к подлежащему: *Наступила весна. Гъатхэр къэсыгъ.*

Приведенные схемы простого повествовательного предложения в русском и адыгейском языках показывают си-

стемное различие в этих языках, дают объективные основания для прогнозирования возникающих для учащихся-адыгейцев трудностей, получающих свое четкое выражение в устойчивых ошибках в речи учащихся. Носители адыгейского языка стремятся поместить сказуемое в русском предложении на последнем месте, что соответствует нормам их родного языка.

В русском языке согласованное определение всегда препозитивно, а несогласованное — постпозитивно. Исключение составляет согласованное определение, относящееся к местоимению и располагающееся после определяемого слова, и положение несогласованных определений, выраженных местоимениями *его, ее, их* перед определяемым словом. В адыгейском же языке согласованное определение может быть препозитивным и постпозитивным, а определение, соответствующее русскому несогласованному определению, обычно препозитивно: *Унэ ищыт («Дом большой стоит»)*. *Сятэ иунэ къэлъэгъуагъ («Отца дом показался»)*.

В данных языках не совпадает место дополнения и обстоятельства по отношению к сказуемому. Но это естественно, так как сказуемое в адыгейском языке располагается в конце предложения. Эти различия во внутренней структуре простого повествовательного предложения в русском и адыгейском языках оказывают существенное влияние на построение связной русской речи учащимися.

В построении ССЦ или связного высказывания следует обратить внимание на структурные схемы предложений, составляющих микротекст, соотношение тема-рематических цепочек предложений в русском и адыгейском языках. Именно в соответствии компонентов «актуального членения» предложения лежит ключ к пониманию закономерностей порядка слов в сравниваемых языках.

В адыгейском языке все слова, то есть члены предложения, относящиеся к «данному», в силу своей известности, определенности располагаются ближе

к подлежащему, а члены предложения, выражающие «новое», размещаются ближе к сказуемому. Этому благоприятствует расположение сказуемого в конце предложения, которое не препятствует другим членам предложения свободно размещаться. В адыгейском языке, кроме сказуемого, все остальные члены предложения легко перемещаются с одного места на другое, не изменяя этим смысла предложения, но придавая ему некоторые смысловые (стилистические) оттенки.

Следует также отметить, что в русском языке местоимения-заместители согласуются с существительными предыдущих предложений в роде и числе. В адыгейском языке согласование в роде отсутствует. Поэтому при обучении учащихся-адыгейцев механизму заме-

ны существительных местоимениями необходимо учитывать эту особенность родного языка учащихся.

Подводя итог, отметим, что сопоставительно-типологическое описание русского и адыгейского языков в учебных целях является надежной базой для прогнозирования типичных ошибок в речи учащихся, позволяет наметить стратегию предупреждения и преодоления интерферирующего влияния родного языка, способствует более рациональной организации языкового материала в целях повышения качества обучения устной и письменной речи учащихся. Вся эта работа в конечном результате создает прочную лингвистическую базу для методики обучения русской связной речи учащихся-адыгейцев.

Примечания:

1. Уракова Ф.К. Текст как продукт и результат речетворческого процесса // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Педагогика и психология. Майкоп: Изд-во АГУ. 2009. Вып. 3. С. 242-247.
2. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. Л.: Просвещение, 1989. С. 141.
3. Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1980.
4. Яковлев М.Ф. Грамматика адыгейского литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 24.
5. Шхапацева М.Х. Обучение синтаксическому строю русского языка: пособие для учителей общеобразовательных школ Республики Адыгея. Майкоп, 1993. С. 90.

References:

1. Urakova F.K. A text as a product and result of speech creative process // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Pedagogy and Psychology». Maikop: AGU Publishing house. 2009. Issue 3. P. 242-247.
2. Arakin V.D. Comparative typology of the English and Russian languages. L.: Prosveshchenie, 1989. P. 141.
3. Grammar of the modern Russian literary language. M.: Nauka, 1980.
4. Yakovlev M.F. Grammar of the Adyghe literary language. M.; L.: AN of the USSR Publishing house, 1941. P. 24.
5. Shkhatpatseva M.Kh. Teaching to a syntactic structure of Russian: a manual for teachers of comprehensive schools of the Republic of Adygheya. Maikop, 1993. P. 90